

**SUMMARY**

The transformation features of political system of modern Ukraine are analysed. It is identified the main problems of effective democratic political system formation.

*Т.В. ЛИСОКОЛЕНКО*

**ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН И ТЕОРИЯ ПЕРФОРМАТИВОВ**

В современных общественно-гуманитарных дисциплинах и социально-философском дискурсе все большей актуальности набирает проблематика анализа лингвистических структур, что обусловлено «лингвистическим поворотом» XX века, вследствие которого язык стал центральной фигурой анализа. В настоящее время категория «язык» признана разноликой, вариативной для определения и оперирования ею, как в среде семиотиков, так и философов. Так известный американский лингвист Э. Сепир, определяя статус лингвистики, говорил о том, что вся система культуры упорядочена через язык. «Язык – это путеводитель в социальной действительности <...> он существенно влияет на наши представления о социальных процессах и проблемах. Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном <...> в значительной степени они находятся во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе» [11, с.130]. Языковая деятельность является многомерной и разнообразной, принадлежащей всем сферам человеческой жизнедеятельности. «Язык необходим, чтобы речь была понятна и производила все свои действия <...>. Язык существует в коллективе в форме совокупности отпечатков, имеющих в каждом мозгу» [13, с.24]. По мнению одного из родоначальников современного теоретического психоанализа Ж. Лакана: «условие бессознательного - это язык <>Бессознательное - оно говорит, что делает его зависимым от языка, о котором знаем мы очень мало» [5, с.11].

Однако не следует забывать о том, что философия и лингвистика, как бы близко они не стояли друг к другу при изучении языка, все же являются различными научными областями знаний. И поэтому очень важно провести между философскими и лингвистическими подходами к изучению такого понятия как язык, черту. Так, лингвист Э. Бенвенист говорит о том, что целью лингвистики является стремление узнать, из чего состоит язык и как он функционирует [1]. Философия языка в свою очередь стремится проанализировать самые общие языковые единицы и отношения, такие как значение, речевой акт, истина, верификация. Что же тогда роднит лингвистку и философию языка, кроме конечно общего объекта исследования? Ответить на этот вопрос можно в духе Дж. Серля – методы исследования языковой проблематики. Методологический инструментарий лингвистической философии непременно включает в себя подходы к изучению языка, как лингвистов, так и представителей аналитической философии. Так что исследования языка как концепта должно базироваться на междисциплинарном подходе.

Исходя из многогранности выбранной тематики, для ее разностороннего анализа необходимо исследование, как философской литературы, так и лингвистической. Поэтому источниками данной статьи послужили разноплановые исследования, среди которых необходимо выделить как непосредственно работы Л. Витгенштейна [2,3] и Дж. Остина [7,8,9], так и ряд других философских и междисциплинарных работ С. Крипке [4], М. Макарова [6], В. Руднева [10], Э. Сепира [11] и др. исследователей.

Для философов XX века язык можно считать тем элементом, который, если не заменил само понятие опыта, то сравнился с ним. И в этом большая заслуга принадлежит австрийскому философу Людвигу Витгенштейну, который внес свой вклад в разработку темы понимания языка как социальной категории. Путь Л. Витгенштейна к философии проходил через математику, что не могло не оставить след на логике построения его мыслей. Сам он в своих работах говорит о том, что философия – это и метод, и инструмент, который помогает философам решать проблемы и находить истину. Поэтому

не удивительно, что большинство философских изысканий Л. Витгенштейна преследуют цель как бы все упорядочить «в мире языка», будь-то либо логический подход к анализу языка, либо прагматический. Л. Витгенштейна всегда отличало желание говорить о языке в точных терминах, ориентироваться на логику как идеал языка, рассматривать язык как систему. По мнению современного российско-голландского лингвиста и семиотика В. Руднева «одна из фундаментальных идей XX века, к созданию которой и Витгенштейн приложил руку, состоит в том, что не язык определяет реальность, а сама реальность определяется языком» [10, с.32].

Творчество Людвиг Витгенштейна, его философские идеи уже неоднократно находились в центре внимания, однако на сегодняшний день являются актуальными аспекты взаимосвязи идей Витгенштейна с другими смежными теориями, в центре внимания которых также находится аспект функционирования языка. Одним из таких является аспект взаимодействия теории языка Л. Витгенштейна с теорией перформативов, чем и обусловлен выбор темы данной работы.

Цель статьи – раскрыть особенности понимания Л. Витгенштейном речевых актов как «действий», сопоставить их содержание с перформативными высказываниями.

Еще в ранний период своего творчества Л. Витгенштейн охарактеризовал основную задачу философии, которая заключается в «критике языка». Однако сама эта критика в его различных работах имела отличительные признаки. В «Логико-философском трактате» доминирует формально-логический подход к языку, который можно поместить в следующую цитату: «цель философии – логическое прояснение мыслей. <...> Философская работа состоит, прежде всего, в объяснении» [2, §4.112], а уже в «Философских исследованиях» на первое место анализа выходит слово-действие, обыденный язык, лишенный, самим Л.Витгенштейном, первоначальной атомарности и четкости. Однако, не так уж и далек «поздний» Витгенштейн от «раннего», что часто остается недооцененным исследователями прагматики языка. Так, например, в «Логико-философском трактате» Л.Витгенштейн делает акцент на необходимости внимательного отношения к использованию слов и знаков. «В повседневном языке одно и то же слово очень часто имеет различные способы обозначения – то есть принадлежит различным символам, - или два слова, имеющих различные способы обозначения, употребляются в суждениях схожим образом» [2, §3.323]. Также в этой работе Л. Витгенштейн останавливается на положении, которое в будущем будет подвергнуто тщательному анализу в контексте развития языковой проблематики, суть его в следующем: «молчаливо принимаемые соглашения, на которых построено употребление повседневного языка, весьма сложны» [2, §4.002]. Частично эти сложности, возможно, выходят из «неспособности понять логику нашего языка» [2, §4.003]. Вот, именно это «понять» Л. Витгенштейна зависит от вариативности значений языковых конструктов, от различных возможностей их использования в разных языковых играх. То есть, есть смысл говорить о том, что основа для развития темы языковой прагматики все же, в завуалированной форме, присутствовала в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна. И если говорить о прагматике языка в представлениях самого Л. Витгенштейна, то волей-неволей возникает мысль, что одним из основных звеньев его прагматизма выступает слово как «действие». Уже в «Философских исследованиях» провозглашается зависимость языка от деятельности, здесь формируется своеобразная онтология языка (в духе М. Хайдеггера), накладываемая на реальность человека. Практически все явления психического и социального порядка, выполняющие определенные функции в жизнедеятельности человека, Л. Витгенштейн превращает в своеобразные денотаты языка, которые обозначают предметы в вариативных значениях. Подобные языковые игры обыденного языка опутывают мир человека «паутиной интерпретаций», в которой каждому обозначаемому предмету соответствует вариативный ряд смыслов.

Здесь есть возможность провести сравнительную параллель слова-действия и перформатива. «Попытка решить проблему «значения», отказавшись от традиционных вопросов метафизики и гносеологии, понимание слова как «действия», открывало, казалось

новые возможности на основе «фактов языка» разобраться в механизме речевого поведения людей, их лингвистического взаимодействия» [12, с.367-368]. Джон Остин, разрабатывая теорию перформативов, так же как и «поздний» Л. Витгенштейн, стремился переключить интерес с функции языка как отражателя на функцию – язык – инструмент общения, взаимодействия.

Теперь, в целом о перформативах. «С момента возникновения теории речевых актов большое внимание привлекали любопытные свойства глаголов, обозначающих то или иное речевое действие. Такие глаголы получили название перформативных» [6, с.164]. В работах представителей теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль) понятие значения рассматривалось в контексте деятельностного подхода, внимание акцентировалось на том, каким образом говорящий субъект реализует своё Я. Классический вариант данной теории создавался Дж. Остином. Одной из главных задач его теории являлось выяснение того, каким образом говорящий может преуспеть в том, что делает посредством слов. Кроме чисто лингвистических пояснений, о том, что понятие «перформатив» восходит к англ. глаголу *to perform* «выполнять, исполнять», что он связан также с англ. существительным *performance* «исполнение, выполнение, проведение; выступление», что перформативами выступают глаголы активного залога настоящего времени, Дж. Остин акцентирует внимание на следующем моменте: «...говоря о том, что я делаю, я тем самым совершаю это самое действие ... такого рода высказывания мы объединяем под общим названием *перформативных*» [9, с.265-266]. Таким образом, можно говорить о том, что «перформативное высказывание имеет свою особую функцию, оно служит для осуществления действия» [1, с.303]. Произнести перформативное высказывание означает совершить тем самым соответствующее действие, например, приказать, пообещать, присвоить имя. Принято считать, что перформативному высказыванию присущи следующие характеристики: эквивалентность (равнозначное действию), неверифицируемость (перформатив истинен в силу самого его произнесения), эквitemпоральность (совпадение времени перформативно глагола с моментом речи). Сам Джон Остин говорит о том, что понятие перформативного высказывания было введено для того, чтобы подчеркнуть отличие от декларативного или, точнее, от констативного высказывания. «Констативное высказывание, как утверждение, обладает свойством быть истинным или ложным. В противоположность ему, перформативное высказывание не может быть ни истинным, ни ложным: у него свои цели, оно используется для осуществления действия» [7, с.23]. Добавим, что перформативы сами по себе являются и действием, и высказыванием. Они выступают как словесные действия, которые могут менять то или иное положение дел, создавать новые ситуации. Они не описывают мир, а изменяют его.

Чтобы говорить о том, насколько слова-действия самого Л.Витгенштейна соответствуют перформативам, нужно обратиться к анализу значений языковых выражений в текстах самого философа. Значения языковых выражений могут формулироваться в определенных ситуациях, когда например, интерпретируется понятие широко или узко, в зависимости от ситуации. Здесь только существует требование соблюдения интерпретируемости в данном месте, что заложено в самой основе конституирующего игру языка. Исследователь творчества Л. Витгенштейна С. Крипке в одной из своих работ заявляет: «Витгенштейн предлагает образ языка, основанный не на условиях истинности, но на условиях утверждаемости» [4, с.111]. Обратимся к самому Л.Витгенштейну. Ставя знак равенства между значением и употреблением, Л.Витгенштейн акцентирует внимание на том, что язык – это не статическая система, а динамическая, которую следует понимать как различные вариации использования слов в конкретных социальных контекстах, где само означаемое живет лишь в употреблении. То есть, если следовать за мыслью Дж. Остина, Л. Витгенштейн имеет в виду следующее: «<> если некто произносит подобного рода высказывания, мы говорим, что тем самым он не просто говорит нечто, но делает нечто; говоря о том, что я делаю, я тем самым совершаю это самое действие» [9, с.263].

Кроме этого, очевидным является то, что Л. Витгенштейн выходит из понимания того, что значение не исходно, - оно возникает в ситуации контекстных словоупотреблений. «Каждый знак, взятый сам по себе, кажется мертвым. Что придает ему жизнь? Он живет в употреблении. Несет ли он живое дыхание в самом себе? Или же употребление и есть его дыхание» [3, §432]. Такой акцент на «слове-действии» выступил принципиально новым видением языковой реальности. Л. Витгенштейн считал, что каждый человек, живущий в социуме, в зависимости от исполняемых им социальных ролей, приучен особым образом реагировать на определенный знак. Это своего рода определенная техника понимания языка, т.е. понимающий язык, владеет определенной техникой.

Язык в тексте «Философских исследований» существует для процесса социального взаимодействия, коммуникации, для того, что бы помочь людям реализовать поставленные задачи взаимодействия. Очевидно, Л. Витгенштейн поставил перед собой достаточно простой вопрос: откуда нам известно, что нашу речь поняли правильно, поняли именно ту суть, которую мы вложили в свои слова? Отсюда возникает феномен человеческого ожидания, реакции на сказанное и заключение – «ожидание и исполнение соприкасаются в языке» [3, §445]. Данное утверждение находится достаточно близко с позицией Дж. Остина, считавшего, что речевой акт представляет собой синтез взаимосвязанных аспектов: намерения говорящего и реализации этого намерения посредством проговаривания.

Л. Витгенштейн устраняет различия между значением слова и его употреблением: «для большого класса случаев – хотя и не для всех, - где употребляется слово "значение", можно дать следующее его определение: значение слова – это его употребление в языке» [3, §43]. Философ акцентирует внимание на том, что язык определяется не структурно, а эмпирически, то есть его ролью в социуме. Язык – не статическая система, а динамическая, которую необходимо понимать как разнообразные вариации использования и применения языковых конструктов в определенных ситуациях. Согласно Л. Витгенштейну, одно слово может вызывать даже одинаковые ассоциации, но иметь разное значение. Таким образом, поднимается вопрос о социальных практиках, которые могут сами высказывания наделить сущностью. Начиная с первых страниц «Философских исследований», мы читаем: «каждое слово имеет какое-то значение. Это значение соотносено с данным словом. Оно - соответствующий данному слову объект» [3, §1]. Имеется бесчисленное множество видов употребления слов, предложений, поступающих в различных интерпретациях в различных языковых играх. В свою очередь С. Крипке, также поддерживает позицию Л. Витгенштейна, говоря, что не может быть такой вещи, как подразумевать нечто под каким-либо словом. При каждом новом применении мы совершаем шаг в темноту, ибо любое нынешнее намерение могло бы быть интерпретировано так, чтобы сочетаться с тем, что мы можем выбрать.

В своей теории значения Л. Витгенштейн акцентирует внимание на том, что обыденный язык отличается многозначностью и вариабельностью значений, которые часто не охватываются понятийными дефинициями. В этой связи необходимо обратиться к теории о «семейном сходстве» языковых игр. Так же и в теории значения Л. Витгенштейн предлагает строить цепочки связей между значениями, конструируя то, что можно назвать типологическим определением. Действия, в теории Л. Витгенштейна, является спонтанным и индивидуальным проявлением человека, которое определяется множеством различных факторов. Дж. Остин, в свою очередь, рассуждая в этом ключе, уверен, что каждое слово является объектом, несущим разную смысловую нагрузку и различные способы его употребления могут говорить и о различных его значениях. Дж. Остин, раскрывая суть своего понимания перформатива, говорит: «нет никаких сомнений в том, что существует великое разнообразие способов использования языковых выражений» [9, с.263]. Дж. Остин, в работе «Значение слова» [8] также утверждает, что лишь предложение в собственном смысле обладает значением. Дж. Остин останавливается на том, что прежняя философская мысль ограничивалась анализом только утвердительных предложений, выражающих суждения, т.е. мысли, содержание которых оценивается либо как истинное, либо как

ложное. При этом из виду упускалось положение о том, что такие предложения только описывают существующие или воображаемые положения дел. Упускалось из виду положение о том, что существуют предложения, наделенные значениями в конкретных ситуациях коммуникации и взаимодействия.

Значение как употребление – это та фраза, которая наиболее точно передает сущность языкового прагматизма Людвиг Витгенштейна и является основой концепции речевого акта как «действия». Одним из основных принципов концепции языка «позднего» Витгенштейна является признание лингвистического характера опыта, в котором реальность выступает в виде языковых высказываний. Философские взгляды Дж. Остина находятся под влиянием обозначенных положений «Философских исследований» Л. Витгенштейна. Данное предположение дает возможность говорить о том, что теория перформативных актов Дж. Остина достаточно близко находится к концепция о «слове-действии». Языковые конструкты в философской концепции "позднего" Л. Витгенштейна и во взглядах Дж. Остина не являются статичными образованиями, интерпретация которых может быть четко регламентирована раз и навсегда. Язык как инструмент коммуникации, язык как механизм при помощи которого осуществляется процесс речевого взаимодействия, язык как деятельность, конституирующая социальное бытие – это те принципиальные положения, на которых основывается близость и преемственность взглядов Л. Витгенштейна и Дж. Остина в контексте рассмотрения языковой прагматики.

Затронув тематику языковой прагматики, Л.Витгенштейн актуализировал огромный пласт вопросов, которые являются интересными для современных исследователей социально - философского дискурса. Оставаясь в русле данной тематики, необходимо отметить, что перспективным является рассмотрение прагматики Л. Витгенштейна в отношении понятия «формы жизни».

#### ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; [пер. с фр. Ю. Степанова] – М.: УРСС, 2002. – 448с.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн; [пер. с англ. Л.Добросельского] – М.: Астрель, 2010. – 177 с.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Язык как образ мира. – М.: АСТ; СПб.: TerraFantastica, 2003. – С.220-546.
4. Крипке Сол А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / Сол А. Крипке; [пер. В.А. Ладова, В.А. Суровцева] – М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2010. – 256с.
5. Лакан Ж. Телевидение / Ж.Лакан; [пер. с фр. А.Черноглазова] – М.: Гнозис, Логос, 2000. – 160 с.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280с.
7. Остин Дж. Перформативы – констативы / Дж. Остин // Философия языка. – М.: Едиториал, УРСС, 2004. – С.23-34.
8. Остин Дж. Значение слова / Дж. Остин // Три способа пролить чернила: философские работы; [пер. с англ. В.Кирющенко] – СПб.: Алетейя, 2006. – С.76-95.
9. Остин Дж. Перформативные высказывания / Дж. Остин // Три способа пролить чернила: философские работы; [пер. с англ. В.Кирющенко] – СПб.: Алетейя, 2006. – С.262-281.
10. Руднев В.П. Божественный Людвиг (Витгенштейн: Формы жизни) / В.П.Руднев. – М.: ЛИБРИКОМ, 2011. – 232 с.
11. Сепир Э. Статус лингвистики как науки / Э. Сепир // Языки как образ мира. – М.: АСТ; СПб.: TerraFantastica, 2003. – С.127-138.
12. Соина И.Ю. Лингвистическая теория «философии языка» / И.Ю. Соина // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць. – К.: ВІР УАН, 2012.- Вип. 58(№3). – С. 365-369.
13. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр; [пер. с фр. А.Сухотина] – М.: Логос, 1998. – 296с.

## SUMMARY

This article deals with one of the aspects of L. Wittgenstein's language pragmatism, that is the theory of speech as an action. The key point is the comparison of the essence of L. Wittgenstein's language expressions with J. Austin's performatives.

*С.М. ГРЕБІНЬ*

**СОЦІАЛЬНА ДЕСТРУКЦІЯ ДИТИНСТВА В СУЧАСНИХ УМОВАХ**

Безумовно, що українське суспільство перебуває в стадії глибоких трансформацій. Зміни відбуваються на всіх рівнях: науковому, політичному, культурному та соціальному. У зв'язку з цим відбуваються серйозні зміни у відношенні до дитинства та його статусу в суспільстві.

Дитинство формується та підтримується суспільством, а також постійно відновлюється в процесі життєдіяльності дітей, які інтегруються у соціум. Дитинство – елемент суспільства, який активно трансформується, на який впливає багато факторів та умов. Сучасне дитинство має багато унікальних характеристик, які мають відмінності від попередніх часів [1, с. 177 – 178]. Цей факт актуалізує необхідність переосмислення проблем дитинства та напрямків його трансформації в контексті змін, які відбуваються в суспільстві останнім часом.

До проблем дитинства та дитини стали частіше звертатися дослідники, що підтверджує актуальність даного питання. Серед них можна назвати таких: О. Г. Кислов, А. Є. Краснослободцева, Л. Г. Кураєва, С. Ю. Митрофанова, Т. Д. Попкова, Л. К. Нефьодова, Є. М. Рибинський, Л. Б. Сандакова, Л. Г. Українець, С. М. Щеглова та інші. Дослідження цих вчених стосуються різних аспектів життєдіяльності дітей у соціумі.

У нашій статті ми звернемо увагу до більш суттєвих напрямів трансформації дитинства і статусу дитини в українському суспільстві, які відбулися в останні десятиріччя, та на низку деструктивних явищ в дитячому середовищі, які стали слідством цих змін.

Багато дослідників вважають, що українське суспільство знаходиться у кризовому стані. Надія виходу із цього стану може бути покладена на підростаюче покоління, на наших дітей. Чи зможемо ми виховати наших дітей спроможними вивести суспільство із цієї кризи?

Роздивимося більш детально умови, які склалися в Україні і в яких відбувається соціалізація наших дітей. По-перше, у зв'язку з економічною поляризацією, збільшенням різниці між матеріальним станом різних сімей, склалася нерівність щодо отримання дітьми соціальних та культурних благ, діти мають різні умови стартового потенціалу. По-друге, руйнування комуністичної ідеології та відсутність її альтернативи призвело до так званої індивідуалізації дитини, яка не має на сьогоднішній день героїчних прикладів перед очима, не має второваних доріг. По-третє, наукові досягнення в галузі комп'ютеризації, інформатизація суспільства зробили доступними потік інформації, яким підростаюча дитина користується на свій власний розсуд. Діти не мають заборони отримати самостійно інформацію з таких питань як смерть, хвороби, гроші, секс, які раніше могли бути отримані від дорослих або від фахівців спеціальних галузей. Усамотнення дитини з комп'ютером зменшує частоту «живого» спілкування з батьками та друзями, що призводить до відчуження та індивідуалізації. Діти звикають тільки розважатися, стали менше читати. По-четверте, існує необмежений доступ до телебачення, де постійно рекламуються тютюнові та алкогольні вироби, насилля, що не може не впливати на свідомість підростаючого покоління. По-п'яте, революційно швидко зросли соціокультурні відмінності між поколіннями, які дуже чуйно вловлюють діти. «Підлітки відчують себе експертами з багатьох питань життя родини: вони дають поради батькам про те, де і яку техніку можна придбати, що носити з одягу, як працювати з комп'ютером» [1, с. 181] та інші. По-шосте, в українському суспільстві все більше зростає «розуміння необхідності визнання дитини не тільки об'єктом, який потрібно виховувати, а і суб'єктом, який має права та обов'язки, що